

ВЛАСТЬ И ГРАНИЦА В ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

© 2019 В.Т. Фаритов, Н.А. Балаклеец

Фаритов Вячеслав Тависович, доктор философских наук, профессор кафедры философии. E-mail: vfar@mail.ru
Балаклеец Наталья Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии.

E-mail: bnatalja@mail.ru

Ульяновский государственный технический университет. Ульяновск, Россия

Статья поступила в редакцию 15.10.2019

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-411-730007 p_a «Субъект власти в современную эпоху: социально-онтологический, информационно-коммуникационный, праксеологический аспекты исследования».

Предметом исследования статьи является соотношение феноменов власти и границы в контексте современной постметафизической философской мысли. Объектом исследования выступают концептуальные разработки современного отечественного философа и ученого И.А. Исаева. На основе анализа работ И.А. Исаева авторы осуществляют экспликацию границы в качестве конститутивного компонента различных типов метафизических конструкций феноменов власти. Существенное внимание в статье уделяется раскрытию влияния идей Ф. Ницше на становление современных постметафизических концепций власти. В основе исследования лежит идея синтеза методологических принципов и установок современных историко-философских и социально-философских исследований. Основным выводом проведенного исследования является тезис, что в современной постметафизической философии граница осуществляет раскрытие и разграничение пространства существования, устанавливает пространство власти, нормы и порядка. Авторы осуществляют экспликацию двух основных типов границ, выступающих в качестве моделей конституирования и организации пространства власти. Первый тип в большей степени тяготеет к космологическому мировоззрению и полагает границу в качестве метафизической инстанции, преобразующей хаос в космос и охраняющей упорядоченный мир от вторжения антикосмических сил. Граница здесь выступает как условие осуществления пространства власти, приводящей неорганизованное и гетерогенное множество к единству и к подчинению законодательству центра. Второй тип метафизической конструкции границы связан с христианством, преимущественно в его западном, католическом варианте и восходит своими корнями к неоплатонизму и учению А. Августина. Здесь граница разделяет уже не мир космоса и сферу хаоса, но онтологические области трансцендентного и имманентного, божественного и земного. За границей, которая теперь полагается в качестве абсолютного предела земного существования, находится уже не неоформленная множественность, но истинный сверхчувственный мир, по отношению к которому очерченный границами имманентный мир воспринимается как неполноценное и подлежащее преодолению бытие. Центр перемещается в трансцендентное.

Ключевые слова: власть, граница, метафизика, трансгрессия, война, Ф. Ницше, И.А. Исаев

Введение. За современным философским мышлением при всей его сложности и неоднородности достаточно прочно закрепилась характеристика «постметафизического» [4; 12]. Под постметафизической философией может пониматься установка на преодоление метафизики. Как отмечает И.В. Дёмин, речь в данном случае идет о факте «дистанцирования от базовых презумпций метафизического мышления и метафизического способа философствования. Любая исследовательская стратегия в постметафизическом контексте представляет собой критику метафизики и попытку ее преодоления» [6, с. 5]. Однако возможен и другой подход к определению постметафизической философии. Данным терминологическим сочетанием может быть обозначена установка не на преодоление, но на

переосмысление и реконструкцию метафизики. В данном случае речь уже идет не критике, но о метафизике самой метафизики. В постметафизической философии предметом становится не универсальное трансцендентное первоначало мироздания, но структура и внутренняя логика метафизического философствования. Осуществляется не отказ от метафизики как таковой, но и не возврат к прежним способам философского мышления, которые уже И. Кантом были отвергнуты как догматические и некритические. Метафизика теперь предстает не в качестве познания абсолютной истины бытия, но в качестве определенного и действенного способа конституирования самого мира и бытия в мире. В этом плане метафизика представляет собой уже не отвлеченные размышления о первоначалах, но прак-

тическое преобразование мира. Изменение метафизических конструкций означает изменение организации мира на различных уровнях: онтологическом, социальном, политическом.

Такое постметафизическое понимание метафизики приводит к постановке проблемы власти – после Ницше ставшей одной из основных тематических рубрик современной неклассической философии [2]. Философская мысль здесь уже направлена не на метафизику власти (в смысле поиска универсальных оснований феномена власти), но на раскрытие самой метафизики в качестве феномена власти. При таком подходе метафизика не рассматривается в качестве всего лишь орудия или средства власти, но сама по своей структуре представляет собой то, что делает возможным пространство и отношения власти. Этот значимый поворот в понимании метафизики и власти начинается уже в учении Ф. Ницше. Вопреки тезису М. Хайдеггера о ницшевской философии как «метафизике воли к власти» [17, с. 63 – 177], Ницше не разрабатывал метафизику власти, так же как не разрабатывал он метафизику вечного возвращения или метафизику сверхчеловека. Ницше раскрыл саму метафизику в качестве воли к власти и показал, что в современности эта власть утрачивает свой созидательный, миропреобразующий потенциал, вырождаясь в нигилистическое отрицание ценности мира. Эта тенденция получит свою дальнейшую разработку в постницшеанской постметафизической философии власти, представленной такими разнородными по своему характеру авторами, как К. Шмитт, О. Шпенглер, Х. Арндт, Т. Адорно, Э. и Ф. Юнгеры, Э. Канетти, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё и др.

Если классическая, «догматическая» метафизика была метафизикой сущности, субстанции, то метафизика в постметафизической философии выступает в качестве учения о границе. Эта переориентация философского дискурса была заявлена уже в философии И. Канта:

«Однако ограничение сферы опыта (die Begrenzung des Erfahrungsfeldes) чем-то в ином отношении неизвестным разуму есть все же познание, еще остающееся разуму в этом положении, – познание, посредством которого разум, не замыкаясь в чувственно воспринимаемом мире, но и не фантазируя за его пределами, ограничен так, как это свойственно представлению о границе, а именно ограничен отношением того, что лежит вне границы, к тому, что содержится внутри нее (wie es einer Kenntnis der Grenze zukommt, sich bloß auf das Verhältnis

desjenigen, was außerhalb derselben liegt, zu dem, was innerhalb enthalten ist, einschränkt)» [10, с. 121; 19, с. 134].

Впоследствии К. Ясперс устранил из метафизики и остатки познания, еще сохранявшиеся в кантовской философии, оставив одно трансцендирование на границе [8]. Соответственно, постметафизические концепции власти будут ориентироваться на феномен границы. В настоящем исследовании мы ставим задачу проанализировать постметафизические тенденции в неклассической философии власти на материале работ современного отечественного философа И.А. Исаева [8]. Обращение к данному автору мотивировано тем обстоятельством, что центральное место в его исследованиях занимает феномен границы в ее социально-политическом и метафизическом аспектах.

Анализ. В отечественной философской мысли уже Н.Я. Данилевский обращал внимание на проблематичность выделения естественной, природной границы: «Где нет действительной границы, там можно выбирать их тысячу» [5, с. 100].

В качестве границы может избираться и какой-либо физический объект, однако он будет выступать лишь знаком границы иного рода, границы метафизической. В свою очередь, для Ю.М. Лотмана граница является семиотическим феноменом:

«Граница семиосферы – область повышенной семиотической активности, в которой работают многочисленные механизмы «метафорического перевода», «перекачивающие» в обоих направлениях соответственно трансформированные тексты. Здесь усиленно генерируются новые тексты. Фактически здесь происходит та же работа, что и на границе разноустроенных частей монады и на любой другой границе внутри семиосферы. Прямым воплощением этого является повышенная культурная активность на границах великих империй (например, Римской) в периоды, когда внутренние культуропорождающие механизмы оказываются истощенными» [11, с. 647].

Затронутая Ю.М. Лотманом тема границ империй получает свою дальнейшую разработку в исследованиях И.А. Исаева, отмечающего: «Граница может быть адекватно оценена только как проблема метафизическая» [8, с. 163]. Как метафизический феномен граница осуществляет раскрытие и разграничение пространства существования. С помощью границы формируются оппозиции внутреннего и внешнего, своего и чужого,

сакрального и профанного, наконец, трансцендентного и имманентного. Очерчивая сакральный центр, граница устанавливает пространство власти, нормы и порядка:

«...виртуальная граница правопорядка представляла собой замкнутую линию, которая, будучи развернутой вокруг гипотетического центра, превращалась в окружность с включенным внутрь нее сакральным пространством властвования, другими словами – сферу власти, ограниченную «петлей закона» [8, с. 151].

В метафизической конструкции власти центр обладает не менее существенной значимостью, нежели граница. Центр – это точка, вносящая первичное различие в изначально недифференцированное пространство существования:

«Центр космоса – это первичная точка пространства, в ходе эманации порождающая весь окружающий ее контекст или периферию, – и наиболее абстрактное понятие власти может быть сформулировано только с учетом этого пространственного соотношения – подобного центра» [8, с. 119].

Таким образом, метафизическая конструкция пространства власти описывается с помощью геометрических метафор центра и окружности (границы). К геометрическим аналогиям уже несколько столетий назад активно прибегал Николай Кузанский, характеризуя соотношение Бога и мира. В этой перспективе «знающего незнания», т.е. в области трансцендентного, центр и граница (окружность) оказываются тождественными:

«Поскольку это максимальный круг, его диаметр тоже максимален, а раз многих максимумов не может быть, такой круг до того един, что его диаметр есть окружность. Но у бесконечного диаметра бесконечна и середина, середина же есть центр, значит, центр, диаметр и окружность у такого круга тождественны» [10, с. 43].

Концепция Николая Кузанского является существенно метафизической, в том плане, что мыслитель исходит из полагания трансцендентной сущности, задающей, так сказать, сверху соотношения центра и границы. В постметафизических учениях схема и направление движения мысли будут иными, несмотря на кажущееся родство концептуально-понятийного аппарата. Постметафизическая мысль исходит не из предданного центра-сущности, но из *границы*, установка которой очерчивает специфическое пространство бытия. В этом выделенном пространстве в качестве его структурного элемента уже полагается центр, который наделяется характе-

ристиками сакрального, метафизического начала. Это очень значимый и одновременно тонкий момент: постметафизика не является однозначным отрицанием сущности как таковой. Но постметафизическая философская мысль раскрывает конструктивный характер сущности, обнаруживает ее положенность и установленность, в то время как метафизика рассматривает сущность как изначального онтологического пункта, источника всякого бытия. Соответственно, если представители догматической метафизики были убеждены, что постигают и описывают предельные и универсальные основы мироздания, то мыслители постметафизической направленности занимаются исследованием метафизических конструкций, моделей организации пространств существования. В отличие от метафизики, в постметафизике учитывается принципиальная множественность и гетерогенность подобных пространств. А отсюда следует, что и метафизических моделей, конститутивных для данных пространств, также много. Постметафизика исходит, таким образом, из утверждения фундаментальной множественности вариантов метафизических моделей устройства мира. Единственная метафизическая конструкция, претендующая на высказывание истины в последней инстанции, теперь становится невозможной. В пространстве философского дискурса утверждаются плюрализм и принцип дополнительности метафизических конструкций.

Так, в постметафизической философии предельная метафизическая перспектива, в которой конечное и ограниченное растворяются в бесконечном и безграничном, выступает в качестве *модели* организации сверхвластных пространств, к которым относятся империи. Империя устремлена в бесконечность, однако в области земного существования достичь непротиворечивого тождества ограниченного и безграничного не удается. Фактически империя всегда ограничена и имеет предел, за которым ее власть оказывается недействительной. Но внутренне присущая имперской идее устремленность к бесконечному порождает негативное отношение к тем границам, посредством которых сама империя обретает свое существование:

«К тем пространственным, территориальным образованиям, которые стараются не замечать и игнорируют границу, относятся империи: имперский порыв в бесконечное пространство, их экспансионистский темперамент преодолевают все границы, чтобы достичь этой бесконечности. В этом их суть, и еще Гегель определял границу как точку, в которой «нечто пере-

ходит в свое иное и сливается со своей истиной сущностью» [8, с. 164].

Эта установка на преодоление ограничений уравнивается противонаправленной установкой на самоограничение: «С другой стороны, империя явно демонстрирует некую тенденцию к самоограничению, очерченности, противопоставляя себя окружающему заграничному пространству» [8, с. 165].

Власть центра в пространстве империи получает некий противовес в том, что находится за границей очерченного пространства:

«Мир, лежащий за границей, хаотичен, враждебен и опасен, он либо вовсе антиномичен и антинормативен, либо управляется законами, враждебными идеалам космоса и цивилизации, – это мир варварства. Всякий выход за пограничный предел – это очередное отвоевывание у хаоса части его неупорядоченной территории и придание ей упорядоченной, просветленной космической структуры» [8, с. 165].

В действительности эта находящаяся за пограничным пределом область внекультурного хаоса, этот мир варварства является миром другой культуры – со своим центром и со своими границами, на что указывал Ю.М. Лотман:

«Очень часто на внешнеположенный мир интерполируются представления о «естественности» и до- или внесемиотичности, выработанные в недрах данной культуры как ее идеальная антиструктура» [11, с. 646].

Пространство империи нуждается в подобной антиструктуре и, по сути, само же ее и создает. Находящийся по ту сторону границ мир варварства выступает в качестве своего рода «меры силы», необходимый для осуществления власти, поскольку власть, согласно Ницше, проявляется в способности преодолевать сопротивления, а рост власти предполагает поиск или полагание более сильного противника [14, с. 201].

В этом пункте можно не согласиться с тезисом И.А. Исаева, что империя по своему статусу принадлежит к тем пространственным образованиям, которые стараются не замечать и игнорировать границу [8, с. 164]. На наш взгляд, лежащая в основе пространства империи метафизическая модель, проанализированная самим Исаевым, позволяет сделать другой вывод. А именно: империя ориентирована не столько на выход за пределы установленных границ, сколько на их максимальное расширение и распро-

странение. Империя негативна по отношению к фактически установленным границам, лишь постольку, поскольку они образуют предел роста и экспансии власти. Идея империи ориентирована на тотальное и потому не допускающее предела господство. Власть центра, олицетворяющего порядок, норму и закон, должна быть распространена на все пространство, в перспективе – продлена до бесконечности. Эта экспансивная, тоталитаристская направленность империи и служит источником негативности по отношению к существующим границам. Границы преодолеваются ввиду достижения большей власти, в перспективе подчинения еще существующего многообразия единству имперского центра. Отсюда и возникает парадокс имперской идеи: по своей сути империя консервативна, ориентирована на сохранение и охрану границ. Границы выступают высшей ценностью, поскольку служат надежной преградой и защитой от неорганизованной и хаотичной множественности. Однако властные притязания империи настолько значительны, что не допускают существования хаоса и многообразия даже за границами организованного и очерченного имперского пространства. И здесь империя приобретает трансгрессивное отношение к своим же собственным границам – вполне в духе гегелевского *Aufhebung*. Бесконечный горизонт раскрывается посредством снятия установленных границ, посредством диалектического отрицания конечных форм существования, на что справедливо указывает и сам И.А. Исаев:

«Империя не знает пределов, ее границы как таковые отсутствуют, и она совершенно открыта вовне» [8, с. 18]. И далее: «Вечность и безграничность становятся координатами существования Империи» [8, с. 19].

На этом основании мы делаем вывод, что отношение к границам в пространстве имперской идеи может быть адекватно охарактеризовано как *внутренняя трансгрессия* (в исследовании Исаева данное терминологическое сочетание не употребляется): границы здесь преодолеваются в перспективе распространения власти на максимальное пространство. Границы, поглотившие заграничные области, уже перестают быть границами, центр теперь всюду, исчезают и периферийные и пограничные области, чье бытие еще создавало реально ощутимый противовес и угрозу власти центра. Но это только в идее и в идеале, в своем историческом существовании

империя всегда сохраняет напряжение между устремленностью к бесконечности и фактической ограниченностью своей власти:

«Чингисхан вел свои орды к месту захода солнца, где этот поход должен был закончиться, и его продвижение в этом направлении могла остановить только встречная сила, еще более значительная, а всяческие договоры и пакты являлись лишь выражением фактически сложившегося соотношения реальных сил» [8, с. 16].

Как уже отмечалось выше, постметафизическая философия преодолевает установку догматической метафизики на утверждение одной-единственной универсальной онтологической модели мироздания. На основе исследований И.А. Исаева можно эксплицировать, как минимум, два типа метафизических конструкций границы. Первый тип в большей степени тяготеет к космологическому мировоззрению и полагает границу в качестве метафизической инстанции, преобразующей хаос в космос и охраняющей упорядоченный мир от вторжения антикосмических сил. Граница здесь выступает как условие осуществления пространства власти, приводящей неорганизованное и гетерогенное множество к единству и к подчинению законодательству центра. Граница в данном случае наделяется высшей, метафизической ценностью и подлежит охране, в то время как трансгрессия, осуществляющая всевозможные нарушения установленных границ, получает сугубо негативную оценку:

«С точки зрения метафизики проблемы границы зло всегда есть нарушение границы, нарушение меры, и с космологической точки зрения, зло – это враждебное пространство, находящееся за пределами границ. Этическое зло, как и зло космологическое, это прежде всего преступление границ, выход за их пределы. Космологическое мировоззрение обнаруживает добро в самом космическом центре, в точке вечного возвращения, и чем ближе к границе и периферии и дальше от центра, тем сильнее нарастает опасность вторжения в космос хаотических сил, при этом сама граница – это мера и добро, она очерчивает защитный сакральный круг вокруг космического центра, но одновременно с этим она же – преддверие выхода за пределы космоса и место сосредоточения максимального зла» [8, с. 183].

Рассмотренный выше сложный и противоречивый статус границы в империи представляет собой первый тип метафизической конструкции границы, доведенный до предела. Данное обстоятельство позволило И.А. Исаеву охарактери-

зовать империи как направленные на преодоление границы пространственные образования. Мы, напротив, полагаем, что в пространстве империи осуществляется по сути не трансгрессия собственных границ, но агрессия по отношению к тому, что находится за пределами этих границ. Империя стремится к нарушению чужих границ, к отрицанию бытия всего того, что не вписывается в круг очерчиваемого ею порядка. Война, агрессия, борьба и противостояние, как формы воли к власти, приобретают в постницшеанской философии статус внутреннего ядра самого феномена политического:

«Само понятие врага предполагает лежащую в области реального эвентуальность борьбы, в свою очередь понимаемой как некая бытийственная изначальность: война следует из вражды, ибо эта последняя есть бытийственное отрицание чужого бытия, – тотальный нейтралитет, который в принципе мог бы устранить борьбу, но тем самым упразднил бы и самое политическое» [8, с. 308].

Здесь, конечно же, вспоминается отчасти романтический, отчасти иронический ницшеанский пафос борьбы: «Вы говорите, что правое дело освящает даже войну? Я же говорю вам: добрая война освящает всякую цель» [13, с. 48]. («Ihr sagt, die gute Sache sei es, die sogar den Krieg heilige? Ich sage euch: der gute Krieg ist es, der jede Sache heiligt» [20, s. 395]). Придание борьбе онтологического статуса становится источником возникновения в постметафизической философской мысли философии войны [1; 15].

Второй тип метафизической конструкции границы связан с христианством, преимущественно в его западном, католическом варианте и восходит своими корнями к неоплатонизму и учению А. Августина. Здесь граница разделяет уже не мир космоса и сферу хаоса, но онтологические области трансцендентного и имманентного, божественного и земного. За границей, которая теперь полагается в качестве абсолютного предела земного существования, находится уже не неоформленная множественность, но истинный сверхчувственный мир, по отношению к которому очерченный границами имманентный мир воспринимается как неполноценное и подлежащее преодолению бытие. Центр перемещается в трансцендентное. Соответственно, сверхчувственное наделяется властными полномочиями выстраивать иерархию существования по степени приближенности-удаленности по отношению к метафизическому центру. Трансформации подвергается и аксиологический статус границы. Теперь метафизическая граница не

наделяется высшей ценностью и не подлежит охране. Напротив, граница имманентного мыслится как зло и недостаток, подлежащий устранению в эсхатологической перспективе:

«Христианское мировоззрение противопоставило космологическому совершенно иное понимание границы; прежде столь опасное для космологического миропонимания представление о беспредельном и бесконечном, ранее бывшее синонимом зла и хаоса, в христианском понимании становится аналогом истинности, совершенства и добра. Истинная справедливость отныне может быть найдена только за пределами мира сего, да и сама абсолютная граница осуществится лишь на Страшном Суде. <...> Абсолютная граница есть бездна, и у нее не может быть ни геометрической, ни «юридической» линии. Соответственно изначальная ограниченность космоса и наличие границ вообще стали восприниматься как имманентное несовершенство и зло; граница теперь уже не ограждает от вторжения враждебного «иного», а, напротив, преграда, зло, стоящее на пути к совершенству» [8, с. 170 – 171].

Ницшевская критика христианства направлена преимущественно на данный тип метафизической конструкции. Трансцендирующее устремление по ту сторону абсолютной границы приводит к нигилистическому нивелированию имманентного, земного бытия. Тем самым Ницше раскрывает в христианстве – точнее в той ветви христианства, которая была ему известна, – один из источников европейского нигилизма. На следующем этапе, согласно Ницше, произойдет отказ от самого трансцендентного [14, с. 33 – 34], что с фатальной неизбежностью приведет к переходу нигилизма на качественно новую ступень: из метафизической устремленности к трансцендентному нигилизм превратится в трансгрессивное по существу отрицание границ имманентного. Исчезновение трансцендентного горизонта («смерть Бога») оставляет человеку только «стремление к абсолютному преодолению» [8, с. 170], трансцендирование сменяется трансгрессией – таким преодолением границ, которое уже не ориентировано по метафизической вертикали, но имеет сугубо горизонтальную направленность. Метафизическая конструкция, служившая источником организации пространства власти, теперь рушится, провоцируя серию кризисов власти: всевозможные революционные движения, восстания масс и прочие трансгрессивные феномены. На арену выходят «враги границы»:

«Враги границы разнообразны по своему типу и статусу, ими движут разные идеи и побудительные мотивы. Отрицание границы как факта и как нормы может выражаться также по-разному в зависимости от того, кто, собственно говоря, только не желает ее признавать, а кто стремится ее разрушить, уничтожить вовсе» [8, с. 162].

В постметафизической философии XX столетия феномен трансгрессии, нарушения, отрицания и преодоления границ, начинает занимать одно из центральных мест [16]. Вместе с тем появляются и тенденции к восстановлению метафизической конструкции границы. В этой связи И.В. Дёмин обращает внимание на связь проблемы границы с различными стилями политического мышления. Так, установка на преодоление границ является конститутивной для либеральной мысли:

«Трактовка человека как преступника, нарушителя границ, выдаваемая за идеологически нейтральную, не только имеет вполне определенные политико-идеологические импликации, она становится возможной лишь в контексте либерально-прогрессивной мысли с характерным для него пафосом «эмансипации» [7, с. 242].

Напротив, определяющим моментом консерватизма выступает установка на защиту и сохранение границ: «Консерватора интересует не вопрос о том, как «преодолеть границы», «выйти за границы», «избежать ограничений», а вопрос о том, как *удержать* и *сохранить* границы... Человек в оптике консерватизма *защитник границ*» [7, с. 242]. Появление фигуры защитника границ на горизонте современной философской мысли в работах К. Хаусхофера и К. Шмита вселяет надежду, что спровоцированный кризисом европейской метафизики период нигилизма и тотальной трансгрессивности подходит к своему завершению. В любом случае, как защитники, так и противники границы самим фактом своего существования указывают на значимость феномена границы. Здесь будет уместно реактуализировать гегелевский тезис, что отрицание границ является косвенным способом их утверждения, в то время как осознание границ уже предполагает их переход [3, с. 116].

Заключение. Длительный период кризиса догматической метафизики привел к отказу от попыток определить универсальную сущность феномена власти. В контексте постметафизической философской мысли граница выступает в качестве необходимого условия конституирования

различных пространств власти. Граница – не трансцендентная сущность, лежащая в основе всего, но феномен духовного и физического мира, играющий определяющую роль в организации властных структур. В настоящем исследовании мы попытались обосновать данный тезис на основе экспликации постметафизических тенденций в исследованиях И.А. Исаева.

1. Балаклеец Н.А. Война, политика и субъект: философия военной деятельности Карла Клаузевица // Философская мысль. 2017. № 2. С. 55 – 70. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.2.18715.
2. Балаклеец Н.А. Субъект и власть: эссенциализм и пути его преодоления в современной политической философии // Философия и культура. 2016. № 10. С. 1419 – 1429. DOI: 10.7256/2454-0757.2016.10.17301.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб., Наука, 2005. 780 с.
4. Глухов А.А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и пост-ницшеанское преодоление платонизма. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 584 с.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., Академический проект, 2015. 602 с.
6. Дёмин И.В. Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии. Самара, Самарская гуманитарная академия, 2016. 238 с.
7. Дёмин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара, Самарская гуманитарная академия, 2017. 273 с.
8. Исаев И.А. Топос и номос: пространства правопорядков. М., Норма, 2007. 416 с.
9. Кант И. Основы метафизики нравственности. М., «Мысль», 1999. 1472 с.
10. Кузанский Н. Об ученом незнании. М., Академический проект, 2011. 159 с.
11. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – С.-Петербург: «Искусство-СПБ», 2000. – 704 с.
12. Малкина С.М. Постметафизические конфигурации онтологии. Саратов, Изд-во Саратовск. ун-та, 2015. 268 с.
13. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., Культурная революция, 2007. 432 с.
14. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер. М., Культурная революция, 2009. 408 с.
15. Степанов И.В. Введение в философию войны. Самара, Инсома-Пресс, 2014. 206 с.
16. Фаритов В.Т. Онтология трансгрессии: Г.В.Ф. Гегель и Ф. Ницше у истоков новой философской парадигмы. СПб., Алетейя, 2017. 442 с.
17. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., Республика, 1993. 447 с.
18. Ясперс К. Философия. Книга третья. Метафизика. М., «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. 296 с.
19. Kant I. Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik die als Wissenschaft wird auftreten können. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1920.
20. Nietzsche F. Gesammelte Werke. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012.

POWER AND BORDER IN THE POST-METAPHYSICAL CONTEXT

© 2019 V.T. Faritov, N.A. Balakleets

*Vyacheslav T. Faritov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy. E-mail: vf@mailto.ru
Natalya A. Balakleets, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy.
E-mail: bnatalia@mailto.ru*

Ulyanovsk State Technical University. Ulyanovsk, Russia

The subject of this article is the correlation of phenomena of power and border in the context of modern post-metaphysical philosophical thought. The object of research is the conceptual development of a modern Russian philosopher and scientist I.A. Isaeva. Based on the analysis of the work of I.A. The authors of Isaev explicate the border as a constitutive component of various types of metaphysical constructions of power phenomena. Significant attention in the article is paid to the disclosure of the influence of the ideas of F. Nietzsche on the formation of modern post-metaphysical concepts of power. The study is based on the idea of synthesizing methodological principles and attitudes of modern historical-philosophical and socio-philosophical studies. The main conclusion of the study is the thesis that in modern post-metaphysical philosophy, the border reveals and delimits the space of existence, establishes a space of power, norms and order. The authors explicate two main types of borders that act as models for the constitution and organization of spaces of power. The first type is more inclined to the cosmological worldview and considers the border as a metaphysical instance, transforming chaos into space and protecting the ordered world from the invasion of anti-cosmic forces. The border here acts as a condition for the implementation of the space of power, leading an unorganized and heterogeneous set to unity and to subordination to the legislation of the center. The second type of metaphysical construction of the border is associated

with Christianity, mainly in its Western, Catholic version and has its roots in Neoplatonism and the teachings of A. Augustine. Here, the border no longer separates the cosmos and the realm of chaos, but the ontological realms of the transcendent and immanent, divine and earthly. Beyond the border, which is now supposed to be the absolute limit of earthly existence, there is no longer an unformed multiplicity, but a true supersensible world, in relation to which the immanent world outlined by borders is perceived as being inferior and subject to being overcome. The center moves to the transcendental.

Keywords: power, border, metaphysics, transgression, war, F. Nietzsche, I.A. Isaev.

1. Balakleec N.A. Vojna, politika i sub'ekt: filosofiya voennoj deyatel'nosti Karla Klauzevica (War, politics and subject: the philosophy of military activity of Karl Clausewitz). *Filosofskaya mysl'*. 2017. № 2. S. 55 – 70. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.2.18715.
2. Balakleec N.A. Sub'ekt i vlast': essencionalizm i puti ego preodoleniya v sovremennoj politicheskoj filosofii (Subject and power: essentialism and ways to overcome it in modern political philosophy). *Filosofiya i kul'tura*. 2016. № 10. S. 1419 – 1429. DOI: 10.7256/2454-0757.2016.10.17301.
3. Gegel` G.V.F. Nauka logiki (Science of logic). SPb., Nauka, 2005. 780 s. (Hegel Georg Wilhelm. Wissenschaft der Logik. Frankfurt. M. 1979).
4. Gluhov A.A. Perekhlest volny. Politicheskaya logika Platona i post-nicsheanskoe preodolenie platonizma (The overlap of the wave. The political logic of Plato and the post-Nietzschean overcoming of Platonism). M., Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2014. 584 s.
5. Danilevskij N.YA. Rossiya i Evropa. Vzgljad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germanoromanskomu (Russia and Europe. A glance at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romanic). M., Akademicheskij proekt, 2015. 602 s.
6. Dyomin I.V. Metafizika i postmetafizicheskoe myshlenie v zerkale istoriosofii (Metaphysics and post-metaphysical thinking in the mirror of historiosophy). Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2016. 238 s.
7. Dyomin I.V. Semiotika istorii i germenevtika istoricheskogo opyta (Semiotics of history and hermeneutics of historical experience). Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2017. 273 s.
8. Isaev I.A. Topos i nomos: prostranstva pravoporyadkov (Topos and Nomos: rule of law spaces). M., Norma, 2007. 416 s.
9. Kant I. Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik die als Wissenschaft wird auftreten können. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1920.
10. Nicolaus Cusanus N. De docta ignorantia. Kues, Germany, 1440.
11. Lotman YU.M. Semiosfera (Semiosphere). S.-Peterburg: «Iskusstvo-SPB», 2000. 704 s.
12. Malkina S.M. Postmetafizicheskie konfiguracii ontologii (Postmetaphysical ontology configurations). Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2015. 268 s.
13. Niczsche F. Polnoe sobranie sochinenij: v 13 tomax. T. 4: Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsex i ni dlya kogo (Complete works: in 13 volumes. T. 4: thus spoke Zarathustra. A book for everyone and no one). M., Kul'turnaya revolyuciya, 2007. 432 s. (Nietzsche F. Gesammelte Werke. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012).
14. Niczsche F. Polnoe sobranie sochinenij: V 13 tomax. T. 6: Sumerki idolov. Antixrist. Ecce homo. Dionisovy` difiramby`. Niczsche contra Vagner (Complete works: in 13 volumes. Vol. 6: Twilight of idols. Antichrist. Ecce homo. Dionysus ' praises. Nietzsche contra Wagner). M., Kul'turnaya revolyuciya, 2009. 408 s. (Nietzsche, F. KSA. Berlin, 1988).
15. Stepanov I.V. Vvedenie v filosofiyu vojny (Introduction to the philosophy of war). Samara, Insoma-Press, 2014. 206 s.
16. Faritov V.T. Ontologiya transgressii: G.V.F. Gegel' i F. Nicshe u istokov novej filosofskoj paradigmy (Ontology of the transgression: G.V.F. Hegel and F. Nietzsche at the origins of the new philosophical paradigm). SPb., Aletejya, 2017. 442 s.
17. Hajdegger M. Vremya i by'tie. Stat'i i vy'stupleniya (Time and being. Articles and speeches). M., Respublika, 1993. 447 s. (Heidegger, M. Nietzsche. 2 Bd. Pfullingen: Neske, 1961).
18. Yaspers K. Filosofiya. Kniga tret`ya. Metafizika (Philosophy. Book the third. Metaphysics). M., «Kanon+», ROOI «Reabilitaciya», 2012. 296 s. (Jaspers K. Philosophie. Zweite, unveränderte Auflage. Berlin-Göttingen-Heidelberg: Springer-Verlag, 1948).
19. Kant I. Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik die als Wissenschaft wird auftreten können. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1920.
20. Nietzsche F. Gesammelte Werke. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012.